

До этой истории я был неплохого мнения о военной юстиции. Мои впечатления складывались из личного общения с сотрудниками местной военной прокуратуры, из отзывов адвокатов, которые ставили военные суды выше гражданских и по уровню правовой культуры, и по внимательному отношению к нуждам защиты. Уже позднее стали общеизвестными факты, когда военные прокуроры, угождая командованию, помогали скрывать "дедовщину" и тому подобные явления армейской жизни. Впрочем, случай, который я хочу рассказать, убедил меня в том, что общие пороки правоприменительной системы, неуважение к правам человека вместо их защиты глубоко проникли и в систему военной прокуратуры.

Произошло это в конце 80-х годов. Приехала ко мне дальняя родственница жены (назовем ее Семеновой Марией Григорьевной), жительница одного из городов соседней сибирской области. Ее сын Сергей служил в армии в Забайкалье и стал жертвой той самой дедовщины - сержант ударил его кухонным бачком по голове. Через несколько дней поведение Сергея заметно изменилось, появились ~~важные~~ признаки психического расстройства, его отправили в военный госпиталь, где поставили один из самых неприятных диагнозов - шизофрения. Парня комиссовали, дали "белый" билет, означающий полную непригодность к военной службе, и, когда состояние улучшилось,пустили домой. Там он отлежался, отоспался, окончательно пришел в себя, поступил рабочим на завод.

Прошло несколько месяцев. Никаких отклонений в поведении не замечали ни родственники, ни врач местного психодиспансера, куда Сергей встал на учет. И у матери возникла мысль - не ошиблись ли врачи госпиталя? Может быть, это все же не шизофрения?

С этими вопросами Мария Григорьевна приехала ко мне как к юристу. Думаю, не надо объяснять, что означает шизофрения: человек становится практически бесправным - ни учиться, ни выбрать приличную профессию и т.д.

Знакомлюсь с ~~тем~~ немногими документами, которые привезла Мария Григорьевна. Первый - медицинская справка, которую выдали Сергею при выписке из госпиталя. В ней указывалось, что Сергей вначале лежал в ~~другом~~ госпитале с воспалением легких, вернулся в часть, а затем, через несколько недель, изменился в поведении, в связи с чем его вторично госпитализировали уже с психиатрическим диагнозом. Сразу возникли вопросы. Если он страдал шизофренией, то как это не заметили врачи, которые лечили его от пневмонии? Далее, в справке вообще ничего не говорится о травме головы, будто ее и не было во время краткого перерыва между двумя болезнями. Появилась гипотеза: не утаили ли воинские начальники от врачей госпиталя историю с нанесением удара бачком по голове, пытаясь тем самым скрыть неприятное ЧП? А врачи автоматически поставили неверный диагноз?

Другим документом был ответ военной прокуратуры на жалобу, которую по просьбе Марии Григорьевны посылал адвокат. Из ответа было видно, что проводилось расследование, ~~факт удара установлен~~, однако дело прекращено, так как ~~удар~~ по голове, ^{шизофрения не связана с ударом} ~~не будучи связан с шизофренией,~~ ^{который} сам по себе не повлек серьезных последствий. Именно к такому выводу пришла военная окружная комплексная судебно-медицинская и судебно-психиатрическая экспертиза. Далее в ответе сообщалось, что по жалобе адвоката ~~по~~ постановление о прекращении дела отменено и проводится дополнительное расследование. За это я и решил зацепиться.

Сначала проконсультировался у знакомого психиатра. Он пояснил, что, если это действительно шизофрения, то она обязательно себя должна проявить. А если в течение длительного времени никаких отклонений нет, то, скорее всего, было временное психическое расстройство травматического происхождения, которое может закончиться практически полным выздоровлением. Что же касается экспертов, то они вполне могли ошибиться, так как вряд ли стали бы менять диагноз, поставленный лечащим врачом.

О том, что бороться с выводами психиатров очень трудно, я знал. Но здесь дело осложнялось еще тем, что диагноз подтвердила комиссия военного округа, которая по рангу приравнивается к областной. А выше ее только Центральный научно-исследовательский институт им. проф. Сербского в Москве. Итак, цель — повторная экспертиза в Институте им. Сербского, направить же туда Сергея может только военная прокуратура. Поэтому я написал от имени Марии Григорьевны заявление, в котором просил при дополнительном расследовании назначить такую экспертизу.

Через некоторое время из Забайкалья приехали два сотрудника военной прокуратуры, чтобы решить, требуется ли повторная экспертиза. Они сходили на завод, побеседовали с товарищами Сергея по работе, встретились с лечащим врачом-психиатром. Потом им пришла в голову мысль самим проверить психическое состояние Сергея. Выглядело это так. Один сотрудник сидел в гостинице, а второй ездил с Сергеем по городу и давал ему различные задания — например, позвонить по телефону в гостиницу и передать то-то и то-то. Никаких глупостей в

поведении испытуемого экспериментаторы не обнаружили; глупостью, скорее, была их попытка провести исследование столь наивными способами собственного изобретения. Тем более, что такого рода действия никак не вписываются в компетенцию юристов.

Перед отъездом один из следователей обратился к Марии Григорьевне, чтобы узнать, чего же она добивается. Она ответила, что не требует судить сержанта, который к тому времени демобилизовался и вернулся к себе в Молдавию. Нужно только одно - чтобы Сергея перестали считать душевнобольным, если он им не является, и "белый" билет со ссылками на психиатрические статьи заменили на нормальный военный билет. Следователь ответил, что проблема эта не очень сложная, для этого необязательно пробиваться в Институт Сербского, обещал приехать через месяц-полтора и все полюбовно уладить в местном военкомате. На том сотрудники, выражаясь на военном наречии убыли к месту постоянной службы в Забайкалье.

Прошел месяц, второй, третий - из военной прокуратуры ни слуху, ни духу. Пишу новое заявление, прошу ~~от имени Марии Григорьевны~~ сообщить, чем закончилось следствие и как решен вопрос о повторной экспертизе. Ответ приходит быстро, но какой ответ! Вначале прокуратура извещает, что она рассмотрела заявление с просьбой дать ответ на первое заявление и решила эту просьбу удовлетворить (как будто не следовало сделать это сразу же). Затем сообщается, что дело вновь прекращено, а ~~дальше самое главное~~ для снятия диагноза необходимо обратиться с Институт им. Сербского.

Хитроумность ответа на непросвещенный взгляд не совсем очевидна. В нем тонко обойден основной вопрос - кому следует обратиться в Институт? По правилам это может сделать только

прокуратура, направив свое постановление и материалы дела. Но прокуратуре заниматься явно неохота. Дать же совет обратиться самому Сергею или его матери по типу "спасение утопающих - дело рук самих утопающих" слишком уж глупо, ибо всем следователям хорошо известно, что по просьбам граждан Институт экспертиз не проводит. Вот и была изобретена туманная формулировка, классический образец бюрократической спихотехники. Вы ~~пишите, что хотите попросить~~ ^{просите направить} в Институт Сербского? Мы и отвечаем, что Вам нужно именно в Институт Сербского. Еще вопросы есть?

Мне это напомнило известную шутку преферансистов, когда после бессонной ночи под утро один из осололевших игроков деловито спрашивает партнеров: "Ребята, а во что играем?"

Захватив эту бумагу, я поехал в Москву, в Главную военную ~~прокуратуру~~ прокуратуру. Принял меня пожилой усатый полковник юстиции Александр Григорьевич Ткач. ~~Вникнув в суть дела и~~ Прочитав сочинение забайкальского прокурора, полковник вопросительно посмотрел на меня: "Интересно, кто же должен обращаться в Институт Сербского?" Опытный юрист сразу попал в самую точку. Покачав головой, он взял документы и обещал помочь.

Вскоре пришло письмо из Главной военной прокуратуры - постановление о прекращении дела вновь отменено и прокурору гарнизона дано указание направить Сергея на экспертизу в Институт Сербского.

Казалось бы, осталось дожидаться выполнения указаний московского начальства, а дальнейшее будет зависеть от заключения институтских врачей. Не тут-то было! Главные события были впереди.

Из прокуратуры гарнизона сообщили, что просто так попасть в Институт нельзя - прежде необходимо пройти стационарную экспертизу в областной больнице по месту жительства. Мария Григорьевна позвонила мне - что делать? Отвечаю - соглашаться, ибо в противном случае у военных прокуроров появится козырь: дескать, мы пытались помочь, да вы нас не послушали.

При областных ~~санитарных~~ психобольницах имеются специальные "судебные" отделения, куда ~~помещают~~ ^{помещают} для проведения экспертиз преступников, в отношении которых появились сомнения в их психическом состоянии, а также практически всех тех, кто совершил особо тяжкие преступления, за которые грозит расстрел. Сергей - не преступник, а потерпевший. Но кому дело до таких тонкостей? Раз направила прокуратура - значит, в судебное отделение. И Сергею пришлось целый месяц провести в обществе убийц и насильников, среди которых были, возможно, и действительно умалишенные.

Когда обследование закончилось, Мария Григорьевна поинтересовалась его результатами. Врач отвела ее в сторонку и полупешотом сказала, что ничего у Сергея не обнаружили, но дать такое заключение нельзя, потому что больным признала ~~ее~~ окружная экспертиза, а ее ^{вывод} ~~заключение~~ областная оспорить не может. И закончила: "Вам нужно в Институт Сербского!"

Как военная прокуратура отправляла Сергея в Институт, - ~~расскажу~~ а это одна из самых безобразных историй во всей эпопее - расскажу чуть дальше. Пока же пришлось затеять переписку с прокуратурой по совсем уж пустяковому поводу, из которого они все же сумели сделать целую проблему.

Сергею нужно было представить на работу документ, объясняющий его отсутствие на работе в течение месяца, пока он находился в областной больнице. По закону прокуратура

должна выдать справку о том, что Сергей был вызван на обследование в качестве потерпевшего, и тогда ему ~~должны~~ уплатят средний заработок за все время. Послали письмо с соответствующей просьбой - ~~при~~ приходит справка, в которой есть все, кроме главного - что Сергей вызывался именно как потерпевший, так как, например, обвиняемому оплату производить не следует. Пишем второе письмо - уточните. Получаем бумагу, в которой написано, что такая справка может быть выслана только ~~по~~ по запросу с места работы. Совсем как у Райкина - дайте справку, что вам нужна справка. Хотя по закону прокуратура должна была выдать документ сразу, без всяких просьб. Посылаю третье, на этот раз ~~еще~~ сердитое письмо, прямо ссылаюсь на статью Кодекса законов о труде, если прокуроры ее не читали. Наконец-то приходит нужный документ.

А теперь вернемся к организации поездки Сергея в Институт Сербского. Прибывший сотрудник военной прокуратуры ст. лейтенант Байков, ~~(он вполне заслуживает, что была названа его фамилия)~~ ^{что} ^{был} объявил, что приехал за Сергеем, берет его в Москву, причем дорога за счет военной прокуратуры. И взял паспорт Сергея для приобретения авиабилета. Мария Григорьевна решила лететь с сыном и взяла билет на тот же рейс. Перед отлетом она спросила у Байкова, как они будут добираться до аэропорта, который находится в областном центре, километров за сорок от их города. Байков ответил, что его отвезет коллега из местной военной прокуратуры, а Семеновы пусть добираться как хотят. Проблем нет - до аэропорта ходит автобус, но нужно бы забрать паспорт и билет Сергея. Отдать их, однако, Байков отказался, поскольку он сопровождающий и документы должны быть при нем. Логика у старшего лейтенанта юстиции железная - оказывается, основным предметом сопровождения

являются бумаги, а не ~~сам~~ человек. Так и поехали они отдельно, договорившись встретиться в аэропорту под часами.

Когда Семеновы приехали в аэропорт, проводились регистрация и посадка на московский рейс. Но под часами никого не оказалось. Объявление местного розыска по радио с помощью справочного бюро не дало результатов. Продолжая проводить оперативные мероприятия по розыску военного следователя, Мария Григорьевна уговорила контролеров пропустить ее в самолет, где при содействии стюардессы обнаружила Байкова, спокойно сидящим в кресле. Выяснилось, что он приехал в порт раньше Семеновых, зарегистрировался и прошел на посадку, а паспорт и билет Сергея отдал провожавшему сотруднику, который сразу развернулся и уехал. Байков посоветовал Марии Григорьевне лететь с сыном на следующий день и дал телефон, по которому можно его найти в Москве. Просьбу остаться и лететь завтра вместе Байков категорически отклонил - видимо, решил, что удобнее всего быть сопровождающим при самом себе.

Ехать в Москву автономно Семеновы не решились, вернулись домой, а вечером к ним пришел провожавший Байкова сотрудник ~~местной~~ местной прокуратуры, принес паспорт и билет и долго извинялся, но главное - активно уговаривал Марию Григорьевну не предавать эту историю огласке, не сообщать по месту службы Байкова. Однако теперь настала очередь Марии Григорьевны отклонить просьбу. В прокуратуру в Забайкалье ушла длинная телеграмма с описанием всех событий, ~~затем~~ затем Мария Григорьевна вновь приехала ко мне в Красноярск.

Дл. начала я решил узнать, что за московский телефон оставил Байков. Выяснилось, что это квартирный телефон его родного дяди. Дядя сказал, что племянник находится у него в гостях, но в данный момент ушел погулять. По рассказу пле-

мянника, он должен был кого-то привезти в Москву, но тот человек оказался нехорошим и не явился на рейс. Дядя долго сокрушался, когда я сказал ему, как все было на самом деле, а затем добавил, что, может быть, получилось и к лучшему, потому что Байков съездил в Институт Сербского и узнал, что там вообще никого сразу не принимают - нужно заблаговременно подать заявку и ждать вызова. Как говорится, нет худа без добра.

С этими новостями я вне^б поехал в Москву и пошел на прием к знакомому полковнику. Напомнил о предыдущем визите и подал заявление с описанием всей истории. На мой вопрос о его впечатлениях полковник молча поднял ~~руки~~ руки вверх. Видно было, что он искренне возмущен поведением своих младших коллег. Поскольку Александр Григорьевич работает прокурором приемной и сам ничего по существу решить не может, я попросил его записать меня на прием к кому-нибудь из руководства Главной военной прокуратуры. Полковник согласился, но предложил пока к начальству не ходить, довериться его опыту, потому что он лучше знает, кому и как доложить. Я поверил ему и поехал домой.

Дома меня ждало сообщение Марии Григорьевны о том, какой ответ поступил из гарнизонной прокуратуры на ~~не~~ телеграмму. Как и следовало ожидать после разговора с дядей Байкова, в ответе утверждалось, что виноват сам Сергей, который не явился к отлету. Меня принципиально заело от такой наглости, и я обратился в прокуратуру военного округа с предложением проверить, кто же все-таки лжет - их сотрудник или Сергей и его мать. Сделать это просто - спросить у стюардессы (дата и номер рейса известны), встречались ли на борту Байков и Мария Григорьевна.

Я не настолько наивен, чтобы надеяться на такую проверку, но оставалась маленькая надежда, что перед Семеновыми хотя бы извинятся. Недооценил я изобретательность военных прокуроров. В ответе отвергались все претензии, так как в действиях ст. лейтенанта Байкова нарушений процессуальных норм не установлено. Все верно: в уголовно-процессуальном кодексе нет статьи, которая бы предписывала порядок сопровождения потерпевшего на экспертизу. Уверен, что такая норма не появится даже при самой глубокой реформе законодательства. Потому что законы рассчитаны на людей, обладающих элементарным здравым ~~смы~~ смыслом.

Впрочем, эта бумага сильно ~~не~~ уже не огорчила. Полковник Ткач выполнил свое обещание. Из Главной военной прокуратуры ответили, что прокурору гарнизона за волокиту объявлен выговор и предложено выполнить указание о проведении экспертизы в Институте им. Сербского. Довольно быстро приехал другой работник прокуратуры, отвез Сергея в Москву и поместил в Институт. Мария Григорьевна поехала с ним и целый месяц ночевала на вокзалах. Но победа была полная — врачи дали заключение, что никакой шизофрении у Сергея нет и никогда не было.

Вскоре поступило указание в местный военкомат заменить военный билет. Сергей писал мне, что день, когда он получил нормальный документ без "психиатрических" статей, был самым счастливым в его жизни. Вскоре он женился, приглашал меня на свадьбу.

Когда я вспоминаю эту историю, думаю вот о чем. Все же я опытный и квалифицированный юрист, знаю, как и кому написать, куда пойти, что и от кого требовать. И то потратил

на всю канитель полтора года, послал кучу писем, дважды ездил в Москву. А чего могли добиться пожилая, неосведомленная в юридических делах женщина и ее сын, лишенный ошибочным диагнозом возможности отстаивать свои права?

С благодарностью вспоминаю сотрудника приемной Главной военной прокуратуры полковника юстиции Александра Григорьевича Ткача, доброжелательного человека и ~~опытного~~ квалифицированного юриста. Конечно, он выполнял свой служебный долг, но делать это можно по-разному. Хотя бы здесь нам повезло, а если бы на его месте оказался очередной виртуоз спихотехники? Не исключаю, что Сергей до сих пор числился бы шизофреником. И нетрудно представить, что эта история не уникальна, что сейчас кто-то бьется и ничего не может добиться. Знаю это по другим историям без благополучного конца.